

Медленно открыв глаза, Перси обнаружил, что лежит на спине на одном из самых неудобных матрасов, на которых когда-либо спал. Причина этого вскоре стала ясна: вместо абалонового потолка Каюты Три перед ним раскрылось чистое голубое небо, прерываемое лишь несколькими облаками, лениво дрейфующими мимо. Фыркнув, он сел, опираясь одной рукой на пол. Однако вместо мягких листьев он сжимал в кулаке волнистую траву, щекочущую его руку, когда легкий ветерок ласково перекатывался по ней. Подняв другую руку к лицу, он ущипнул себя за переносицу, пытаясь вызвать колющую боль за глазами. Его рот был словно наждачная бумага, а внутренности чувствовались так, будто их случайно бросили в блендер. И, конечно, у него болела голова. Очень сильно. Он медленно приспособился к яркому свету и позволил своим глазам просканировать пространство вокруг, быстро осознав, что не имеет понятия, где находится. — Тото, мне кажется, мы уже не в Канзасе. — Где... О, да вы шутите. Вы, черт возьми, издеваетесь надо мной! Он упал на спину, широко раскинув руки и ноги, глядя в небо и пытаясь осознать тот факт, что его, как картошку в мешке, бросили в совершенно другой мир, чтобы сразиться с "плохим парнем", который, вероятно, был таким же злым и могущественным, как Кронос. — Аполлон, да помогут мне боги, я собираюсь... С этими мыслями Перси стал размышлять о довольно приятной идее то ли задушить Бога Солнца, то ли привязать его за лодыжку к Блэкджеку волшебной веревкой и отправить жеребца в полет по небу с Аполлоном на буксире. Да, будет справедливо сказать, что Перси был очень зол на олимпийцев, особенно на того яркого и солнечного, который теперь угрожал святости максимы "не убивай посланника". Накануне вечером Аполлон явился ему во сне и сообщил о другом мире бессмертных существ, похожих на олимпийцев. Ему сказали, что жителям этого мира угрожает серьезная опасность от зла, которое невозможно остановить. Перси был призван бессмертными, управляющими этим миром, Валар, чтобы помочь жителям свергнуть это зло. Его "я" из сна, мягко говоря, не был в восторге от того, что его утащили в другой мир, чтобы сражаться. Но в то же время часть его души хотела помочь этим людям. Он знал, что это матери, отцы, дети — хорошие люди, которым угрожает опасность. И хотя он был совершенно подавлен фактом существования другого мира и предпочел бы быть в лагере с Аннабет и своими друзьями, он хотел помочь. Что бы ни случилось, он был героем, а герои именно так и поступают. Хотя ему было не слишком приятно, что боги, похоже, используют его роковой недостаток против него, он понимал, что никогда не пожелает зла, если сможет его предотвратить, и сделает все, что в его силах, чтобы помочь тем, кто нуждается. Но хуже всего было то, что они не ошибались. Теперь, когда Аполлон рассказал ему обо всех ужасных вещах, происходящих в мире, он будет чувствовать себя еще более несчастным, если вернется домой, не оказав помощи, чем если бы его заставили ввязаться в конфликт против его воли. Кроме того, "победить плохого парня, спасти мир"? Звучит как типичный квест для полубога. Он закатил глаза. — Мой список дел становится все меньше и меньше. В значительной степени подавив душевный кризис, бушевавший в его голове (и решив игнорировать те части, которые не мог), он поднялся на ноги и наконец воспользовался возможностью осмотреться и оценить его окружение. Он находился на зеленом холме, высоко над окружающей местностью. Вокруг него длинная трава рябила и переливалась, словно зеленое море, когда ветер свистел в ней. Солнце ярко сияло над головой, и Перси оставалось только гадать, движется ли оно с востока на запад, как на Земле. Или же в этом мире все еще есть "запад" и "восток". — Да, через пять минут я точно сойду с ума. Далеко-далеко в одном направлении океан заполнял горизонт, бескрайний простор глубокого синего цвета. Обернувшись, он увидел, что по обе стороны от него горы вздымаются на непостижимую высоту, образуя непроходимую белую стену, простирающуюся до горизонта. Казалось, он находится в проходе между ними, острые склоны гор смыкались по обе стороны. Подняв шею вверх, он заметил, что вершины скрыты в дымке, теряющейся на много миль выше. Однако перед ним, в нескольких милях вверх по зеленому перевалу, возвышался большой холм. На этом холме располагался огромный белый город, не похожий на гору Олимп с такого расстояния. Башни и шпили поднимались над остальным городским пейзажем, и даже с такого расстояния он мог видеть всю его красоту. — Что ж, —

сказал он вслух, — поскольку это новый мир и я, черт возьми, ничего не знаю о том, где я нахожусь и куда мне идти... это, вероятно, хорошее место, чтобы начать. Он сухо рассмеялся и начал идти.— Боги, я в полной заднице. По мере того как он приближался к городу, он ощущал, как событие становится все более захватывающим и красивым. Белые и желтые пятна превращались в арочные комплексы с золотыми куполами; каменные здания вскоре обретали форму изящных башен и внутренних двориков, точеных стен и манящих статуй. С каждым шагом он не уставал, а, наоборот, наполнялся энергией, словно сам воздух, которым он дышал, был пропитан жизнью и восторгом. Его шаги становились легче, а улыбка — ярче без каких-либо усилий. Он был поглощен жизнью. Быстрее, чем он ожидал, он достиг разросшегося города и обнаружил, что он гораздо больше и красивее, чем мог себе представить. Ни один человек не смог бы построить нечто подобное; даже бессмертные архитекторы Олимпа были поражены величиим этого города. Ликуя от потусторонней архитектуры, он с нежностью вспоминал Аннабет и грустно думал о том, как долго ему придется быть в разлуке с ней. Он печально покачал головой: именно в тот момент, когда они думали, что наконец восстановили semblance нормальной жизни и мира, она снова была у него отнята. После войны с титанами и войны с гигантами, после всех тех дел, которые ему довелось делать на стороне в последние годы, его работа еще не была завершена. Грусть охватила его сердце, когда он представил предстоящие месяцы, когда он не сможет поговорить с Аннабет или увидеть её. Пройдет много времени, прежде чем он вернется. Если вообще вернется. Он сглотнул. — Боги Олимпа, если я умру, Аннабет, вероятно, примчится в Элизиум, чтобы назвать меня идиотом и вновь покончить со мной, — хмуро подумал он. Однако, продолжая рассматривать город, он понял, что не может сосредоточиться на этих негативных мыслях. Хотя он не смог вытеснить Аннабет из своей головы, ему казалось, что он просто не в силах сосредоточиться на печальных реалиях своего положения. Вместо этого яркая, жизнерадостная природа всего вокруг неизменно требовала его внимания, словно специально заставляя его сосредоточиться на хороших моментах жизни.